

глава

1

ЗА ШКОЛОЙ

Стоял унылый осенний день, и Джил Поул плакала на заднем дворе школы. А плакала она потому, что её изводили. Но эта история не про школу, поэтому я буду рассказывать о школе, в которую ходила Джил, как можно меньше — не очень это приятная тема. Мальчики и девочки здесь учились вместе, поэтому школу называли смешанной, хотя некоторые считали, что смешалось всё главным образом в головах тех, кто ею руководил. Школьное начальство придерживалось мнения, что детям нужно позволять делать всё, что им заблагорассудится. К несчастью, десять-пятнадцать старших мальчиков

и девочек обожали издеваться над остальными. Весь ужас, происходивший здесь, в любой другой, самой обычной, школе был бы пресечён, едва успев начаться, но здесь дело обстояло совсем иначе. Даже если мучителей и останавливали, то об исключении из школы или наказании не могло быть и речи. Директриса заявляла, что они представляют собой интересный психологический случай, звала их к себе и часами беседовала с ними. А тот, кто умел сказать правильные слова, и вовсе становился директорским любимчиком, и никак иначе.

Вот отчего этим унылым осенним днём Джил Поул плакала, стоя на узенькой мокрой тропинке, ведущей от заднего двора школы к зарослям кустарника. Она ещё не успела доплакать, когда из-за угла школы, насвистывая и засунув руки в карманы, появился мальчик и едва не налетел на неё.

— Смотри, куда идёшь! — проворчала Джил Поул.

— Да ладно тебе! — огрызнулся было мальчик, но, увидев её лицо, сменил тон: — Эй, Поул, что-то случилось?

Джил скривилась, как это часто бывает, когда хочешь что-то сказать, но понимаешь, что, стоит только начать, сорвёшься и заплачешь.

— Понятно: это опять *они*, — нахмурился мальчик, глубже засовывая руки в карманы.

Джил кивнула. Говорить было ни к чему — и так всё ясно.

— Послушай, — сказал мальчик, — нехорошо, если нас всех...

Он хотел сделать как лучше, но начал так, словно собирался прочесть лекцию. Джил внезапно разозлилась, как это частенько случается, если вам не дали как следует выплакаться:

— Уходи, тебя это не касается! Кто тебя просил вмешиваться? Хорошо тебе рассуждать, что нам всем нужно делать. Наверное, нужно всё время подлизываться к ним, заискивать, ходить перед ними на задних лапках, как это делаешь ты.

— О господи! — произнёс мальчик, усевшись было на траву возле кустарника, но тут же вскочив на ноги, потому что трава оказалась мокрая-премокрая.

Забавно, но его звали Юстас Вред, хотя был он очень даже неплохим парнишкой.

— Поул! Разве это справедливо? Разве в этом семестре я так делал? Ведь это я схлестнулся с Картером насчёт кролика. Ведь это я не выдал Спивинса, несмотря ни на что. Разве не я...

— Н-не знаю и знать не хочу, — зарыдала Джил.

Вред понял, что она не в себе, и благоразумно предложил ей мятную конфетку, не забыв и о себе. Очень скоро вещи предстали перед Джил в ином свете.

— Прости меня, Вред, — сказала она. — Это несправедливо. Ты и вправду делал так — в этом семестре.

— Тогда забудь прошлый семестр, если можешь, — попросил Юстас. — Я тогда был совсем другой. Боже мой, кем я был раньше! Маленьким негодяем.

— Честно говоря, так и было, — кивнула Джил.

— Значит, по-твоему, я изменился? — спросил Юстас.

— Не только по-моему, — ответила Джил. — Все так говорят. *Они* это тоже заметили. Элинор Блекистон слышала, как Адела Пеннифевер вчера говорила об этом в нашей раздевалке. Она сказала: «Что-то случилось с нашим малышом Вредом. В этом семестре он стал просто неуправляем. Видимо, придётся им заняться».

Юстас вздрогнул. Все в этой школе знали, что будет, если *они* кем-нибудь займутся.

Оба замолчали, и было слышно только, как с ветвей лавра падали капли.

— А действительно: почему ты так изменился в последнем семестре? — нарушила молчание Джил.

— На каникулах со мной много чего странного произошло, — загадочно ответил Юстас.

— Что же именно? — заинтересовалась Джил.

Юстас долго молчал, но наконец заговорил:

— Послушай, Поул, мы с тобой ненавидим это место так, как только вообще можно что-нибудь ненавидеть, правда?

— Что касается меня — точно! — горячо отозвалась Джил.

— Тогда, думаю, тебе можно доверять.

— И на том спасибо, — съехидничала Джил.

— Но это на самом деле страшный секрет. Послушай, Поул, ты веришь во всякое такое... ну, в то, над чем здесь принято смеяться?

— Вообще-то не знаю, — протянула Джил, — но думаю, что верю.

— А ты поверишь, если я скажу, что побывал там, вне нашего мира, и случилось это в каникулы?

— Я просто не понимаю, о чём ты.

— Хорошо, не будем о мирах. Представь, что я побывал в таком месте, где животные разговаривают и где есть всякие чудеса — драконы там и другое такое, о чём пишут в сказках. — Вред ужасно смутился и покраснел.

— Как ты туда попал? — Джил тоже почему-то почувствовала странную неловкость.

— Единственно возможным способом — с помощью волшебства, — еле слышно отозвался Юстас. — Я был с кузеном и кузиной — им это место знакомо.

Теперь, когда они перешли на шёпот, Джил почему-то стало проще поверить во всё сказан-

ное. Внезапно её пронзило ужасное подозрение, и она заявила (с такой свирепостью, что на мгновение стала похожа на тигрицу):

— Если я узнаю, что ты дурачишь меня, то больше никогда не стану с тобой разговаривать. Слышишь? Никогда-никогда!

— Да нет же, — заверил её Юстас. — Клянусь, что нет. Клянусь всем-всем.

(Во времена моего детства мы клялись на Библии, но в этой школе клятвы подобного рода не поощрялись.)

— Ладно, — согласилась Джил, — поверю тебе.

— И никому не скажешь?

— За кого ты меня принимаешь?

Разговор привёл обоих в волнение. Однако, когда возникла пауза, Джил оглянулась, увидела скучное осеннее небо, услышала стук капель, падающих с ветвей, подумала о беспросветном существовании в их экспериментальной школе (шла лишь вторая неделя семестра, а всего их было тринадцать) и сказала:

— Ну и что из этого? Мы не там, мы здесь. Туда нам никак не попасть. Или всё-таки можно?

— Я сам об этом думаю, — ответил Юстас. — Когда мы возвращались из того места, Некто сказал, что ребята Певенси (это мои двоюродные брат и сестра) никогда не смогут туда вернуться, потому что побывали там уже три раза. Наверное, больше им не положено. Но никто не сказал, что я не могу туда вернуться. Если бы было нельзя, он бы сказал... И мне кажется, что мы... могли бы...

— Сделать что-нибудь, чтобы это случилось?

Юстас кивнул.

— Ты думаешь, мы можем начертить на земле круг, написать в нём странные буквы, встать в середине и читать всякие заклинания?

Какое-то время Юстас усиленно соображал.

— Именно это мне и приходило на ум, хотя я никогда так не делал. Но сейчас, когда дошло до дела, мне кажется, что круги и всё такое прочее — чепуха. Думаю, ему это не понравится. Может показаться, что мы как будто заставляем его что-то делать. На самом деле мы только можем его просить.

— О ком ты всё время говоришь?

— В том месте его зовут Аслан.
— Какое странное имя!
— Не более странное, чем он сам, — важно заявил Юстас. — Давай попробуем. Ничего плохого не случится, если мы только попросим. Становись рядышком. Вот так. А теперь давай вытянем вперёд руки ладонями вниз, как делают на острове Раманду...

— Каком острове?

— Я расскажу тебе об этом в другой раз. Возможно, он хочет, чтобы мы встали лицом на восток. Так, где у нас восток?

— Не знаю, — призналась Джил.

— Удивительно, но девчонки никогда не знают, где какая сторона света, — заметил Юстас.

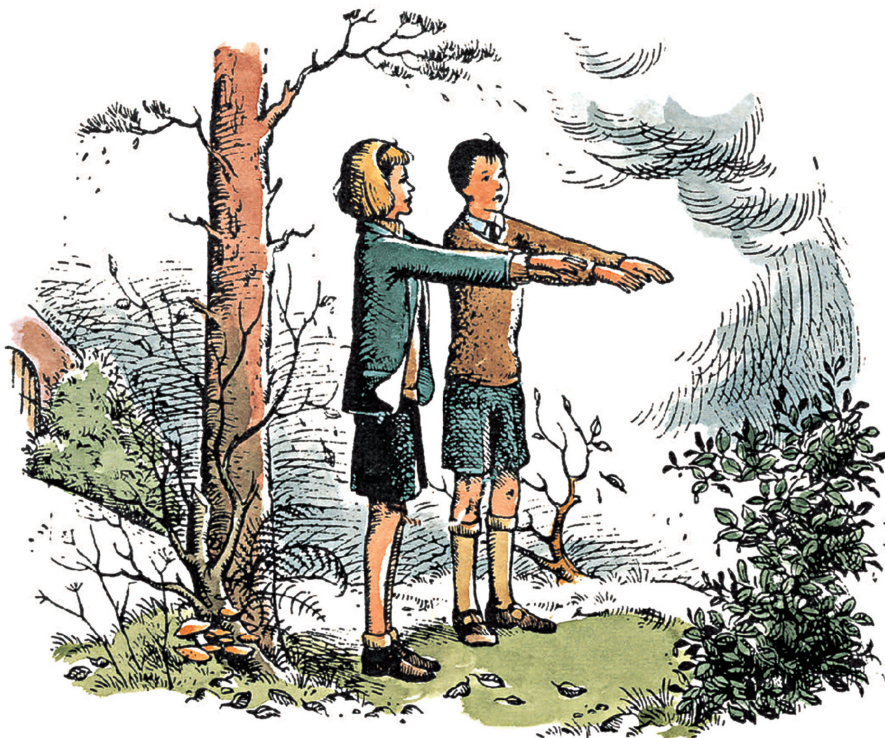
— Ты тоже не знаешь, — возмутилась Джил.

— Сейчас скажу, если не будешь мне мешать. Ну вот. Восток там, где кусты лавра. А теперь повторяй за мной.

— Что повторять? — не поняла Джил.

— Ну то, конечно, что я буду говорить, — пробормотал Юстас. — Давай...

И он начал:

— Аслан, Аслан, Аслан!

— Аслан, Аслан, Аслан, — эхом отозвалась Джил.

— Пожалуйста, пусти нас двоих...

В этот момент с другой стороны школы раздался голос:

— Поул? Я знаю, где она: вон за школой ревет. Привести её сюда?

Джил и Юстас переглянулись, нырнули в заросли лавра и принялись карабкаться вверх по поросшему кустарником холму с завидной скоростью (такими способностями они были обязаны методам обучения, которые практиковали в их экспериментальной школе, где ученик усваивал не французский, математику или латынь, а умение быстро и незаметно исчезать, когда его начинают искать).

Минуту спустя они остановились, прислушиваясь, и по доносившемуся шуму поняли, что их преследуют.

— Только бы дверь была снова открыта! — произнёс Вред на бегу, и Джил кивнула.

Дело в том, что на вершине холма находилась высокая каменная стена с дверью, через которую можно было попасть на вересковую пустошь. Эта дверь почти всегда была закрыта, хотя иногда её всё же открывали — возможно, всего лишь раз. Но представьте себе, что даже этот единственный раз вселил в людей надежду и желание проверить,

а всё потому, что, будь она открыта, со школьного двора можно было бы уйти незамеченными.

Джил и Юстас, разгорячённые и грязные, оттого что чуть ли не на четвереньках вынуждены были пробираться через кустарник, отдуваясь, бежали к стене. Впереди виднелась дверь, как всегда закрытая. — Наверняка ничего не выйдет! — выдохнул Юстас, хватаясь за ручку двери. И вдруг... — Ух ты! Ручка повернулась, и дверь открылась.

Только что они надеялись, что смогут мгновенно проскочить в дверь, будь она открыта, теперь же, когда дверь распахнулась, оба застыли перед ней как вкопанные. А всё потому, что увидели совсем не то, что ожидали увидеть.

Дети рассчитывали увидеть серый, поросший вереском склон, сливающийся на горизонте с серым осенним небом. Вместо этого в глаза им брызнуло солнце. Его свет лился в дверной проём, как июньским днём лился бы в гараж, если приоткрыть дверь. Он превратил в жемчу-

жинки капли воды на траве и осветил чумазое заплаканное лицо Джил. Солнечный свет шёл явно из другого мира, насколько они могли его видеть через дверной проём. Перед ними была такая сочная и такая необыкновенно зелёная трава, какой Джил никогда прежде не приходилось видеть, и голубое небо, в котором сверкало что-то яркое: то ли драгоценные камни, то ли бабочки.

Джил, хотя и мечтала раньше о чём-то подобном, сейчас испугалась, а посмотрев на Вреда, поняла, что он тоже боится.

— Давай, Поул, — еле слышно прошептал Юстас.

— А мы сможем вернуться? Это не опасно? — заволновалась Джил.

В ту же секунду у них за спинами раздался противный тонкий голосок, который злорадно проквашал:

— Так и знай, Поул, всем известно, где ты, поэтому давай спускайся.

Голосок принадлежал Эдит Джекл, которая была не из них, но из их прилипал и доносчиц.